

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВЫРАЖЕНИЯ «КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»

Владимир Фурс

Осмысленное употребление интересующего нас выражения является непростым делом: его неоднозначность требует от вменяемого говорящего четкого определения того, что, собственно, имеется в виду, а его претенциозность¹ предполагает, что данное значение термина хорошо мотивировано. В этой связи весьма полезно внимательное ознакомление с тем, с какой смысловой нагрузкой это выражение фактически используется сегодня в различных «языковых играх»: соотнося собственное понимание критической теории с принятыми вариантами ее трактовки, мы удержимся от поспешных неграмотных суждений и сэкономим на потугах создания «индивидуального языка».

Данная статья представляет собой опыт описательной типологии вариантов сегодняшнего употребления выражения «критическая теория» с отсылкой к релевантным источникам — не только современным исследовательским работам, но и к новой справочно-энциклопедической и учебной литературе. Само собой разумеется, в силу необъятности всего круга источников можно претендовать на получение картины, адекватной лишь в первом приближении, но даже приблизительное картографирование поможет сориентироваться и судить о критической теории не наобум.

Начнем с констатации того обстоятельства, что идея «критической теории» обрела широкую популярность в широком диапазоне социально-гуманитарного знания в течение примерно последних двух десятилетий (преимущественно в англофонной академической среде) под воздействием двух основных факторов. Во-первых, это интенсивное развитие исследований, не вписывающихся в традиционную дисциплинарную таксономию и заявляющих о своем меж- или постдисциплинарном характере (феминистская и постколониальная «теория», *area studies*, «науки об информации и коммуникации», «глубокая экология» и проч.). Во-вторых, в силу ряда трансформаций социального характера меняются как общая конфигурация соотношений между экономической деятельностью, медийными практиками, отправлением власти и культурным производством, так и режим коммуникации интеллектуалов с «наивными действующими лицами»; в результате происходят существенные изменения в самосознании интеллектуалов-академи-

ков»². В частности, исследователю, претендующему на значимость своих усилий, вменяется дополнительный контур рефлексивной осознанности. Наряду с традиционной для любой академической деятельности «дисциплиной мышления», обеспечивающей достоверность получаемых результатов, исследовательская компетенция предполагает также рефлексию на социальную ситуацию самого ученого и политические импликации получаемого знания.

Эти две тенденции развития социально-гуманитарного знания — *трансдисциплинарность* и *рефлексивная политизация* — и образуют тот контекст, в котором термин «критическая теория» сегодня употребляется в самом общем плане. В частности, в «The Penguin Dictionary of Critical Theory» мы читаем: «Сегодняшнее изобилие теоретических дискурсов является в значительной степени результатом роста междисциплинарности в современных гуманитарных науках, а сама междисциплинарность может рассматриваться как результат коллапса, постановки под вопрос старых дисциплин. (...) Потребность в теории была также политической потребностью, рожденной пониманием того, что теории никогда не бывают политически нейтральными. Они выражают определенные политические предассудки и воспроизводят их, даже если они отрицают это. (...) Задача данного словаря состоит в том, чтобы предоставить сведения о множестве теоретиков и теорий, относящихся к области литературы, философии, психоанализа, кино и визуальных искусств, историографии и сексуальной политики»⁴.

Нельзя не заметить странность употребления термина «критическая теория» в данном контексте: он не обозначает вообще никакой определенной теории или целостной исследовательской программы, а осыпает к многообразию (теоретических) дискурсов, очень разных по своему происхождению, содержанию, направленности и т. п. Эти дискурсы, перечисляемые обычно просто через запятую — марксизм, Франкфуртская школа, психоанализ, постструктурализм, феминизм и т. д., и т. п. — находятся в сложных и неоднозначных отношениях друг с другом (содержательной зависимости, взаимовлияния, конкуренции, взаимного наложения и т. п.) и сами вовсе не являются внутренне едиными. Видимость единства этой неопределенной туманности придает ее «метонимическая» связь с Франкфуртской школой, откуда и заимствуется сам термин: как известно, в программной статье 1937 г. «Традиционная и критическая теория» Хоркхаймер систематически разработал концепцию особого типа теоретического знания, ключевыми характеристиками которого были как раз междисциплинарность и практико-политическая «ангажированность». Конгенитальность с установкой хоркхаймеровского проекта и служит основанием использования выражения «критическая теория» в качестве собирательного обозначения для многообразия дискурсов, не сводимых воедино в предметно-тематическом, методическом и стилистическом планах.

В данном контексте употребления выражение «критическая теория» является систематически двусмысленным: оно используется одновременно в «широком» и «узком» смыслах. В том же слова-

ре мы читаем: «Данный термин может использоваться достаточно свободно... для обозначения всего спектра теорий, которые занимают критическую позицию в отношении общества и гуманитарных наук или пытаются объяснить возникновение объектов своего познания. В намного более узком смысле он относится также к основной линии в деятельности Франкфуртской школы и, в частности, к работам Адорно и Хоркхаймера»¹. Причем соотнесение с франкфурдцами является здесь конститутивным: если оно исчезает, выражение «критическая теория» становится расплывчатым настолько, что вообще утрачивает свой специфический смысл и употребляется «несобственно» — как синоним критической позиции индивидуума в отношении наличной действительности, позиции, являющейся одним из атрибутов современной рациональности вообще⁶.

Как отмечает Майкл Пэйн, такие движения, как феминизм, постколониализм, мультикультурализм и исследования расизма, на практике разделяют общую идею критической теории независимо от того, как они оценивают деятельность Франкфуртской школы. В свою очередь, выявляя доминирование сексизма, колониализма, этноцентризма и расизма в различных социальных и гуманитарных науках, каждое из этих движений заявляет именно свой критический проект как наиболее эффективное средство разоблачения идеологических механизмов, участвующих в производстве знания на «изнаночной» стороне «просвещения»⁷.

Резюмируем: *используемый в самом общем плане, термин «критическая теория» является иносказательным обозначением тенденций трансдисциплинарности и рефлексивной политизации, отличающих современное социокультурное знание, и отсылает к разнородной совокупности дискурсов, в которых данные тенденции находят свое воплощение.* Видимость определенности этой дискурсивной туманности может придавать ее ассоциация с cultural studies, благодаря которой критическая теория «в широком смысле» предстает как своего рода бриколёвская методология «культурных исследований». Последние получили развитие в англоязычном мире в 60–90-х годах в контексте более общего движения университетов к новым видам полидисциплинарного анализа. Поэтому не случайно то, что их приверженцы находятся в оппозиции к истэблিশменту традиционных университетских дисциплин, а сами «культурные исследования» институционализируются, как правило, в виде центров и лабораторий, а не кафедр и факультетов⁸.

Лейтмотивом cultural studies является рассмотрение культурных феноменов в аспекте организующих их отношений господства и подчинения, связанных с гендерными, классовыми, расовыми и т. п. различиями. При этом культурные формы и процессы рассматриваются как динамические силы, а не как вторичные образования, зависящие от институциональных форм или от политической или экономической организации⁹.

Однако устоявшейся единой «матрицы» «культурных исследований» не существует — это многообразие исследовательских прак-

тик, осуществляемых исходя из различных позиций, в локально обусловленных социокультурных контекстах и обстоятельствах академической деятельности. Объектами изучения при этом выступают столь разномастные «дискурсы», как реклама, архитектура, городской фольклор, кино, мода, популярное чтение, фотография, молодежные субкультуры, литература, создаваемая женщинами и рабочими, телешоу и проч. Лишь полисемия слова «культура» позволяет использовать ярлык «культурных исследований» для собираемого обозначения сложных перегруппировок в самых различных академических полях, на деле вовсе не образующих единого процесса. Отсюда явствует, что любое повествование о развитии «культурных исследований», изображающее его как эволюцию некой связанной программы, является фикцией. Вместе с тем, поскольку все смелые начинания нуждаются в собственных «мифах происхождения», генеалогия, возводящая бескрайние поля сегодняшних «культурных исследований» к «Бирмингемской школе», имеет свой резон¹⁰.

Таким образом, *связка с «культурными исследованиями» не была определена «критической теорией в широком смысле», поскольку в данном случае одна дискурсивная туманность «определяется» через другую.* Однако в сегодняшнем словоупотреблении от рассмотренного понятия критической теории (которое резонно назвать «небулярным») можно отличить ряд других, обладающих более узким и определенным значением. Во-первых, это стоящее несколько особняком «ономимическое» понятие: термин «критическая теория» используется здесь в значении, не имеющем существенного соотношения ни с франкфурдцами, ни с установкой социального критицизма вообще. Под «критической теорией» здесь по существу имеется в виду теоретически насыщенная литературная критика, рассматривающая литературу не только в понятийной перспективе авторских намерений, сколько в плане идеологической, риторической, эстетической структуры текста и культуры, в которой он был произведен. Автор одного из популярных современных пособий, Луис Тайсон, так разъясняет начинающим литературоведам важность «критической теории»: абстрактная теория, по видимости не имеющая ничего общего с нашим живым интересом к литературе и нашим повседневным миром, только и делает возможной проницательную интерпретацию литературных текстов. Знакомство с теорией позволяет понять, что даже наши «непосредственные» и «естественные» интерпретации литературы «заражены» теорией: они основаны на определенных допущениях, которые имеют теоретический характер и были незаметно усвоены нами. Иными словами, не-теоретических интерпретаций вообще не существует. Критическая теория представляет собой прекрасное средство для понимания литературы благодаря тому, что она показывает нам мир и нас самих в новом свете и тем самым усиливает нашу способность мыслить логически и креативно.

В терминологическом плане «критическая теория» и «литературная критика» могут как различаться, так и отождествляться:

«Вообще говоря, литературная критика пытается объяснить нам лите-

ратурное произведение: его производство, его значение, его организацию, его эстетические характеристики. (...)

Критическая теория (или *теория литературы*), с другой стороны, пытается объяснить исходные допущения и ценности, на которых основываются различные формы литературной критики.

Строго говоря, когда мы интерпретируем литературный текст, мы осуществляем литературную критику; когда же мы рассматриваем критерии, на которых основывается интерпретация, мы занимаемся критической теорией. В буквальном смысле литературная критика представляет собой приложение критической теории к литературному тексту, неважно при этом, эксплицирует ли данная критика теоретические допущения, определяющие интерпретацию. Широкое признание того, что литературная критика не может быть отделена от теоретических допущений, является в действительности одной из причин того, что слово *критика* часто используется таким образом, как если бы оно включало и слово *теория*¹¹.

Во-вторых, очень часто, когда говорят «критическая теория», подразумевают «Франкфуртская школа и Хабермас (как ее ведущий сегодняшний продолжатель)». Отметим, что такое понимание фигурирует в двух основных версиях, различающихся смысловой нагрузкой союза *и*; первая из них вписывает Хабермаса во Франкфуртскую школу, которая тем самым фактически отождествляется с критической теорией как таковой. Например, в учебнике «Философия в 20 веке» под редакцией Хюгли и Любке глава «Критическая теория» имеет характерный подзаголовок: «Философские концепции Франкфуртской школы и ее окружения» (при этом «окружение» понимается настолько широко, что в него попадает даже Карл-Отто Апель). Общая ориентация критической теории (=Франкфуртской школы) здесь характеризуется следующим образом:

«Название «Франкфуртская школа» в самом общем плане обозначает мышление, которое, неся на себе отпечаток (идей) Карла Маркса, тем не менее не является догматически марксистским. Говоря более точно, оно относится к философии, которая делает предметом рассмотрения общественные отношения современности, а также принимает во внимание свою собственную общественную обусловленность. Этот анализ общественных отношений должен преодолевать формы мышления, в которых общество лишь стабилизируется в том виде, в каком оно существует; в качестве «критической теории» власти и господства он должен указывать возможный путь к эмансипации от существующего и быть в этом отношении практичным¹².

Вторая версия определения «критическая теория — это Франкфуртская школа и Хабермас» является не столь упрощенной, как первая, и отчасти учитывает принципиальный разрыв с франкфуртцами, выраженный как в самом содержании философии Хабермаса, так и в его недвусмысленном самоопределении. Концепции основных представителей Франкфуртской школы и Хабермаса рассматриваются здесь как две последовательные формы критической теории. Один из вариантов подобной трактовки предложен в «Учеб-

нике критической теории» под редакцией Дэвида Расмуссена:

«Критическая теория — это метафора для определенного вида теоретической ориентации, которая обязана своим происхождением Канту, Гегелю и Марксу, своей систематизацией — Хоркхаймеру и его коллегам по Институту социальных исследований во Франкфурте, а своим развитием — последователям, особенно группе, возглавляемой Ю. Хабермасом. Критическая теория как термин является как общим, так и специальным. В общем смысле он отсылает к тому критическому элементу в немецкой философии, начало которого связано с гегелевской критикой Канта. В более специальном смысле он связывается с той ориентацией в отношении философии, которая в двадцатом столетии нашла свое выражение во Франкфурте¹³.

Как видим, своеобразный «Франкфуртоцентризм» в понимании критической теории сохраняется и здесь, хотя Расмуссен и пытается интерпретировать ее динамику в более широком контексте немецкой философской традиции.

Употребление выражения «критическая теория» в значении «Франкфуртская школа и Хабермас» в целом является достаточно мотивированным, и прежде всего тем, что сама модель критической теории впервые получила систематическую разработку в программных работах Хоркхаймера, что разработка современных параметров «критической социальной науки» являлась одним из лейтмотивов теоретического поиска Хабермаса, а также недолгой принадлежностью Хабермаса к Институту социальных исследований в качестве ассистента Адорно. Вместе с тем при ближайшем рассмотрении обнаруживается ряд нюансов, делающих это расхожее словупотребление лишь условно приемлемым. А именно: оно основано на *трех некорректных допущениях*. Во-первых, современная форма критической теории отождествляется с деятельностью «группы Хабермаса» (как мы убедимся в дальнейшем, широкий спектр социально-философских концепций, заявляемых в качестве современного воплощения идеи критической теории, «хабермасианством» далеко не ограничивается). Во-вторых, допускается содержательная преемственность между Франкфуртской школой и современным социально-философским критицизмом, что неверно даже в отношении Хабермаса. Последний провозгласил «новое начало» проекта «критической теории общества», будучи мотивирован к этому уже совершенно иным метафилософским и социально-культурным контекстом; у его теории коммуникативного действия (как версии критической теории) иные идейные истоки и принципиально иное содержание, чем у «школьников». Так что о преемственности в данной связи можно говорить лишь в смысле общего сходства установок и использования броского названия, но не в смысле существенных содержательных замствований. Наконец, в-третьих, предполагается, что уж с самими-то франкфуртцами все просто и ясно — это «критическая теория в узком и собственном смысле слова», ее классическая форма, служащая прообразом для всех более поздних начинаний подобного рода. Однако при более внимательном рассмотрении в понятии критической теории

Франкфуртской школы обнаруживается двусмысленность как «синхронического», так и «диакронического» планов. В структуре Института довольно отчетливо различались «центр» (Хоркхаймер, Адорно, Маркузе, Лёвенталь и Поллок) и «периферия» (Фромм, Бенямин, Нойманн, Кирххаймер)¹⁴. Причем «периферийными» исследователями были развиты (или хотя бы намечены) альтернативные модели критического анализа, некоторые из которых (в первую очередь имеются в виду, конечно же, идеи Бенямина) востребованы в настоящее время, в то время как концепции «центральных» представителей уже заняли свое место в музее интеллектуальной истории. В «диакроническом» плане критическая теория Франкфуртской школы столь же «неоднозначна»; прежде всего, резко различны две ее «исторические фазы». Первая воплощена, главным образом, в программных работах Хоркхаймера 30-х годов (ее отличительные черты: модифицированная марксистская критика капитализма, установка на союз философии с эмпирическим социально-научным знанием, позитивная перспектива социальной эмансипации), вторая нашла наиболее яркое выражение в «Диалектике просвещения» (критика современной рациональности как таковой в ее познавательном и социально-культурном проявлениях средствами философско-исторического эссеизма; изображение негативной диалектики прогресса, приведшей в исторический тупик). Таким образом, применительно к Франкфуртской школе вполне можно говорить о нескольких «критических теориях», не сводимых воедино¹⁵, если же о франкфуртской модели критической теории говорится в единственном числе, то во избежание двусмысленностей следует конкретизировать, какая именно из ее «ипостасей» имеется в виду.

Все эти неувязки, очевидные при внимательном рассмотрении, все же не означают неправомерности употребления выражения «критическая теория» в значении «Франкфуртская школа и Хабермас», но лишь определяют границы его осмысленного применения. Данное понимание критической теории следует, по-видимому, называть «учебниковым», хотя оно представлено и не только в учебниках. По своей сути оно *сродни дидактическим оправданным упрощениям, помогающим рубрицировать оригинальные идеи и концепции, наклеивая на них этикетки принадлежности к тем или иным «измам» («течениям», «школам» и т. п.), и тем самым рисовать связную общую картину развития и современного состояния философской мысли.* Представления, входящие в эту картину, являются не ложными, а «условно истинными»: для простоты изображения допускается, что дело обстоит именно так, хотя профессионалы понимают: не совсем так, а местами даже и совсем не так.

Подведем промежуточные итоги наших разысканий. Мы убедились в том, насколько по-разному может пониматься критическая теория. Причем «может» не только в смысле возможности выбора между различными вариантами, но и в смысле правомерности всех имеющихся вариантов: прагматическое убеждение и в данном вопросе разумнее эссенциалистской веры. *Неразумно полагать, что суще-*

ствует некая «критическая теория сама по себе», по степени соответствия которой можно ранжировать различные версии ее понимания: так мы лишь догматически фиксируем собственную ограниченную версию, упуская шанс поумнеть. Разумнее принимать, что если «критическая теория» фактически понимается так-то и так-то и это понимание носит систематический характер в определенном кругу «пользователей», то этого уже достаточно для оправданности данной версии, хотя с точки зрения наших собственных критериев она и может выглядеть неправомерной. К примеру, понятие, которое было названо «омонимическим», философы или социологи, вероятно, сочтут «неправильным», но едва ли они убедят в своей правоте литературоведов. Другое дело, что важно по возможности точно определять контекст, в котором то или иное понятие фактически «работает» и отрываясь от которого оно по существу обесмысливается: если, например, пытаться использовать «небулярное» понятие критической теории так, как будто в нем действительно имеется в виду какая-то очерченная теория, оно неизбежно становится миражным. Что касается «учебникового» понятия, то именно сильно упрощенный и «ретроспективный» характер определяет его эффективность в педагогической практике (например, при преподавании современной философии студентам нефилософских специальностей).

Предложенная типология использования выражения «критическая теория» в языке современного социально-гуманитарного знания, само собой разумеется, не является исчерпывающей. И не только в смысле неполноты из-за необъятности литературы и возможности бесконечной нюансировки значений. Выделение «небулярного», «омонимического» и «учебникового» понятий критической теории было лишь подготовительным этапом, позволяющим перейти к рассмотрению еще одного понятия уже с сознанием его специфичности в содержательном и функциональном планах. Это понятие можно назвать «рабочим», поскольку оно употребляется в контексте актуального философского и социально-политического мышления, реагирующего на вызовы меняющегося мира и пытающегося концептуализировать происходящее. Чтобы терминологически отличить эту версию как от теории литературной критики, так и от Франкфуртской критической теории, закрепим за интересующим нас понятием выражение «критическая социальная теория»¹⁶. Данное понятие можно назвать «рабочим» еще и в том смысле, что, служа самоопределению сегодняшнего социального мышления, оно имеет открытый характер и еще не отложилось в словарях и учебниках. Его использовать ряд современных теоретиков для обозначения проводимой ими в настоящее время исследовательской стратегии.

Подчеркнем, что мы имеем дело с новым явлением: Г. Вестарп, имея в виду Франкфуртскую школу, в 1970 г. резюмировал: критическая теория в тупике¹⁷. А в начале 80-х В. Бонс и А. Хоннет констатировали реактуализацию идеи критической теории, «демонстрирующей поразительную способность к выживанию»; правда, контуры этой реактуализации были тогда еще неясны¹⁸.

Данная констатация была связана, прежде всего, с заявлением Хабермаса о «новом начале» проекта критической теории, сделанном им в «Теории коммуникативного действия». В первом томе книги Хабермас разрабатывает формулу «модернизация – это рационализация», отсылая к линии Вебер – Лукач – Адорно, и показывает, что общественная рационализация понималась, по существу, как овещнение сознания. В заключительной главе он обращается к систематическому критическому разбору концепций Адорно и Хоркхаймера и резюмирует: программа критической теории, предложенная в рамках Франкфуртской школы, потерпела неудачу не случайно – причина заключается в исчерпанности парадигмы философии сознания. «Я покажу, – заявляет Хабермас, – что коммуникативно-теоретическая смена парадигмы позволяет вернуться к тому начинанию, которое в свое время было *превзойдено* критикой инструментального разума; эта смена парадигмы делает возможным возобновление *оставленных* задач критической теории общества»¹⁹. Соответственно во втором томе Хабермас теоретически разворачивает идею о том, что переход от когнитивно-инструментальной к коммуникативной рациональности позволяет дать новую жизнь формуле «модернизация = рационализация» и в корне по-новому выстроить концепцию овещнения, ориентирующую дифференцированную критику современности.

Хабермас (как автор теории коммуникативного действия) – наиболее значимая фигура среди представителей критической социальной теории, однако последняя, как уже отмечалось, вовсе не является «хабермасианством». Это ориентация в современной философии и социальных науках, которая в своих принципиальных чертах может быть определена достаточно «обезличенно». Прежде всего, ее возникновение объясняется вполне «объективными» факторами. Во-первых, это преодоление «модели сознания» в постметафизической философии XX века. В результате предпосылкой любого философствования, претендующего на актуальность, является признание того, «что разум должен рассматриваться как воплощенный (embodied), культурно опосредованный, переплетенный с социальной практикой и что укорененность и разнообразие основных категорий, принципов, процедур и тому подобного означает, что критика разума должна осуществляться в связи с социальным, культурным и историческим анализом»²⁰. В контексте современных метафилософских дискуссий, отмечает Маккарти, критическая социальная теория предстает как перспективная стратегия осуществления критики подобного «не-чистого» (impure) разума. Во-вторых, это пересмотр оснований социально-научного исследования, в результате которого на передний план выходит изучение повседневных практик. Благодаря этому критическое осмысление общественной жизни получает возможность избавиться от модели труда как покорения природы, на которой была односторонне заикалась Франкфуртская школа, и тем самым концептуализировать *социальный* способ организации общества. Именно на этом пути открывается возможность продуктивного взаимодействия философской рефлексии с полидисциплинарным соци-

альным исследованием – взаимодействия, которое было программно провозглашено Хоркхаймером, но на деле так никогда и не было реализовано из-за ограниченности «инструментально-трудовой» модели концептуализации социальной жизни»²¹. Наконец, в-третьих, это культурный кризис «современности» (modernity), требующий коренного переосмысления модерна. В этой связи критическая социальная теория заявляется как такая интеллектуальная стратегия, которая, с одной стороны, отрицает провиденциализм в понимании динамики социальной жизни и признает проблемы, рожденные Просвещением»²². С другой стороны, удерживаясь от постмодернистской «огульности» в диагностике времени, она пытается практиковать имманентную и дифференцированную критику модерна»²³.

Далее следует отметить, что речь идет именно об *открытой следовательской программе*: вопреки внешнему названию, это не «теория» в смысле системы готового знания, а определенный режим теоретической работы. Как отмечает Нэнси Фрэйзер, критическая социальная теория, будучи формой прояснения противоборств эпохи, разрабатывает свой концептуальный каркас с учетом целей и конкретной деятельности тех оппозиционных социальных движений, с которыми она – пусть не безоговорочно – себя идентифицирует. Вопросы, которые она ставит, и модели, которые она строит, определяются именно такой идентификацией: «Так, к примеру, если борьба против подчиненного положения женщин принадлежит к числу наиболее значительных видов борьбы данной эпохи (age), то критическая теория, относящаяся к этому времени, наряду с прочими вещами, будет нацелена на то, чтобы пролить свет на характер и основания подобного подчинения. Она будет использовать категории и объяснительные модели, которые разоблачают, а не скрывают отношения мужского господства и женского подчинения. И она будет демистифицировать как идеологические все прочие подходы, которые затеяны или рационализируют эти отношения. В такой ситуации одним из критериев для оценки некоторой критической теории, после того как она была подвергнута всем обычным тестам на эмпирическую адекватность, был бы следующий: насколько хорошо она теоретизирует ситуацию и перспективы феминистского движения?»²⁴ В этой связи Фрэйзер предпринимает попытку разработать собственную – «социалистическо-феминистскую» версию критической теории в полемическом отталкивании от Хабермасовой теории коммуникативного действия.

Таким образом, критическую социальную теорию характеризует своеобразный «актуализм»: как стремление соответствовать *наличной* кондиции философствования и социального познания, так и *нацеленность* на формирование оригинальных концептуальных моделей сообразно с *наличной ситуацией*. Еще раз подчеркнем второй момент, свидетельствующий об открытости данной исследовательской программы: *критическая установка здесь предполагает восприимчивость к новым реалиям и постоянную готовность к пересмотру теоретических оснований самой критики*. Соответственно речь

идет вовсе не о разоблачении некоего всеобъемлющего режима общественного господства во имя столь же универсального освобождения в результате коренной общественной трансформации. В этом смысле идеал «эмансипации», ориентирующий критику, здесь не судит полного и окончательного освобождения, а вмещает «не знающий завершения труд свободы».

Наконец, критическая социальная теория — это не только открытая, но и весьма *широкая* исследовательская программа, допускающая разброс авторских концепций в весьма значительном диапазоне. Харизматическими фигурами, персонифицирующими крайние позиции спектра современного социально-философского критицизма, являются Хабермас и Фуко²⁵. Их концепции представляют собой своего рода «архетипы» критической социальной теории, так что далеко не случайно сама идея последней оформилась именно в полемике между Хабермасом и Фуко и их последователями. Здесь нет возможности останавливаться на данном вопросе, впрочем, нет и необходимости делать это, поскольку упомянутая «контроверза» обстоятельно рассмотрена нами в другой работе²⁶. Отметим лишь, что для критических теоретиков 90-х типичным было стремление разрабатывать собственные концепции в «просвете» между теорией коммуникативного действия и генеалогией. Таким образом, можно сказать, что полярные и взаимодополнительные позиции Хабермаса и Фуко образовали «словное поле», генерирующее оригинальные версии критической социальной теории²⁷.

Подчеркнем, что широта спектра критической социальной теории никоим образом не означает расплывчатости принципиальных очертаний. В отличие от дискурсивной туманности, стоящей за «небулярным» понятием критической теории, здесь мы имеем дело со специфической исследовательской программой, целостность которой обеспечивается вполне определенным «жестким ядром»²⁸. Внутреннее многообразие данной программы можно описательно задать, определив круг и основные категории ее представителей.

Не подлежит сомнению, что центральной фигурой критической социальной теории является Хабермас, однако характер этой «центральности», будучи весьма сложным, требует аналитического прояснения. Во-первых, Хабермас в определенном смысле является «основоположником» критической социальной теории: именно он провозгласил новое начало старой франкфуртской затеи, связав его со своей теорией коммуникативного действия. Во-вторых, после безвременной смерти Фуко Хабермас — единственная среди действующих критических теоретиков «суперзвезда» мировой философии. В-третьих, он персонифицирует некоторые важные «средостения» критической социальной теории: ее двусмысленное соотношение с Франкфуртской школой и двуединство философской и социально-научной ипостасей. Поэтому вполне понятно, что если погрешает назвать лишь одного — «наиболее значительного» — представителя данной исследовательской программы, то почти наверняка и вполне резонно назовут именно Хабермаса²⁹.

Вместе с тем теория коммуникативного действия является лишь одной из двух крайних точек спектра критической теории, так что «основоположником» данной исследовательской программы Хабермас может считаться лишь весьма условно. Очень показательным также то, что Хабермас оказывается главной персоной соотнесения для таких авторов, которых хабермасианцами вообще не назовешь (это, к примеру, Крэг Кэлхун и Нэнси Фрэйзер), поскольку позиция Хабермаса становится у них предметом принципиальной критики. *Можно резюмировать, что Хабермас занимает центральное место среди представителей современной критической теории как наиболее знаковая фигура, а не как общепризнанный идейный лидер.*

Фуко, разработавший альтернативную стратегию социально-философского критицизма, является «равновеликим» Хабермасу в смысле задания рамок критической теории, но все же «меньшим среди равных» в силу меньшей знаковой насыщенности своего имени (на нем завязано меньше нитей, значимых для данной исследовательской программы)³⁰. Хабермас и Фуко образуют первую категорию представителей, назовем их «схолархами»: именно их концепции признаны парадигматическими версиями критической теории, объединяющими группы последователей. Что касается всех прочих представителей, то эпитет «основные» оказывается достаточно условным, поскольку, пока исследователи живы и работают, трудно точно определить степень их значительности. Более того, разграничения между теми, кто просто пишет о критической теории, теми, кто послушно работает в данной парадигме, и, наконец, теми, кто сам эту парадигму *формирует*, далеко не всегда однозначны. Имея в виду эти оговорки, мы, не претендуя на полноту охвата и окончательность приговора, выделим, наряду со «схолархами», еще пять категорий представителей.

Первые две из них — это, как нетрудно догадаться, «хабермасианцы» (в алфавитном порядке: Шейла Бенхабиб, Томас Маккарти, Алессандро Феррара, Аксель Хоннет и др.³¹) и «фукианцы» (Майкл Келли, Дэвид Оуэн, Джеймс Талли, Дэвид Хой и др.³²). Следует заметить, что в плане исследовательской продуктивности «хабермасианцы», на первый взгляд, выглядят предпочтительнее: они разработали ряд оригинальных версий критической социальной теории (среди которых наиболее развитый и систематический характер носит, пожалуй, модель «борьбы за (социальное) признание» Хоннета), тогда как «фукианцы» проявили себя, главным образом, в защите позиции своего мэтра. Впрочем, обособление генеалогической стратегии критицизма в качестве равноправной с коммуникативно-теоретической уже само по себе можно считать серьезным вкладом в развитие парадигмы критической теории.

Четвертая (если вести счет со «схолархов») — это «социологи»: Энтони Гидденс и Крэг Кэлхун. Как известно, определенный «социологизм» исходно присущ идее критической теории, но все же по природе и основному содержанию этот проект имеет социально-философский характер. Так вот, одной из тенденций развития кри-

тической теории в 90-х годах XX века стала социологическая рецепция данной философской идеи. И Гидденс с Кэлхуном персонализируют две разновидности подобной рецепции: Кэлхун, критически соотносясь с моделью Хабермаса, сознательно и целенаправленно трансформирует ее в направлении социологизма и историографизма³¹. В случае с Гидденсом мы сталкиваемся с примером «стихийной» критической теории, которая спонтанно возникает внутри академической социологии как результат внутренних трансформаций социально-научной установки³⁴.

Пятую категорию представителей образуют «сестры»: это исследовательницы, которые свою деятельность в сфере критической теории сочетают с приверженностью феминизму (прежде всего, это Нэнси Фрэзер³⁵ и уже упомянутая в качестве «хабермасианки» Бенхабиб). Рассмотрение вопроса о соотношении критической социальной теории и феминистского критицизма выходит за рамки задач настоящей статьи; отметим лишь, что, во-первых, феминистская «теория»; по-видимому, может трактоваться как одна из разновидностей «частичного» социального критицизма, а во-вторых, она оказала заметное стимулирующее воздействие на развитие критической теории в 90-е годы XX века.

Наконец, шестая категория — это «независимые», т. е. исследователи, которые занимают достаточно обособленное положение. Наиболее заметными фигурами здесь, на наш взгляд, являются Альбрехт Веллмер³⁶ и два американских критических теоретика преимущественно компилятивного свойства: Дуглас Келлнер и Майкл Постер³⁷.

Внутреннее многообразие «парадигмы» критической социальной теории оборачивается различной расстановкой акцентов в определении ее основной установки. Вместе с тем, несмотря на все эти различия, с оглядкой на «схолархов» можно достаточно точно сформулировать *существо критики в общем виде*: речь идет о *критическом анализе «современности», изнутри реконструирующем сложную структуру последней и раскрывающем игру свободы и господства в современных формах социальной жизни и ее репрезентации*. Более аналитично основные аспекты критики можно обозначить, используя формулировки Крэга Кэлхуна. Критическую теорию, указывает он, следует рассматривать не как «школу», а как определенный модус интеллектуальной деятельности, предполагающий осуществление критики в четырех смыслах. В первую очередь, это критическое столкновение теоретика с современным ему социальным миром, которое исходит из убеждения в том, что существующее положение дел не исчерпывает всех возможностей, и открывает позитивные перспективы для социального действия. Критическая теория осуществляет «де-натурализацию» реалий социального мира. Во-вторых, необходима критическая рефлексия на исторические и культурные условия, от которых зависит интеллектуальная деятельность. В-третьих, осуществляется постоянная постановка под вопрос ключевых категорий и концептуальных каркасов, ис-

пользуемых самим теоретиком, и раскрытие их исторического характера. В-четвертых, необходимо критическое столкновение с другими версиями социального объяснения, которое не только устанавливает их сильные и слабые стороны, но также раскрывает их перспективный характер (обусловленность некими предпосылками) и обогащает тем самым наше видение вещей³⁸.

Завершая проделанный опыт типологии употребления выражения «критическая теория», еще раз подчеркнем его ограниченный характер, проистекающий, помимо прочего, и из его известной «телеологичности»: «небулярное», «омонимическое» и «учебниково» понятия служат в статье, главным образом, спецификации критической социальной теории. Как представляется, весьма интересное направление дальнейших размышлений открывается при перестановке акцентов: обращению к тщательной аналитической проработке той дискурсивной туманности, которая стоит за понятием «критической теории в широком смысле слова». Во-первых, такое исследование позволило бы взаимно соотнести критическую социальную теорию и другие «действующие» модели критики (сегодняшний (пост?)марксизм, различные философски интересные разновидности «частичного» критицизма: феминистский, постколониальный и т. п.). Во-вторых, подобное картографирование помогло бы наглядно представить сложные трансформации сегодняшнего социального и гуманитарного знания.

Примечания

- ¹ В случае солидарности с установкой критической теории: ведь причислять себя к ней означает претендовать на привилегированное положение в символической иерархии относительно не только «профанов», но и всех прочих («некритических») теоретиков. Быть более критичным — значит быть более интеллектуальным, более свободным, более креативным — короче: более совершенным.
- ² Термины «постдисциплинарный» или «трансдисциплинарный» в данной связи представляются предпочтительными, так как, в отличие от уже привычной «междисциплинарности», которая скорее лишь подтверждает «крепостное право» дисциплин над исследователями (например, история именно как историк сотрудничает с социологом, философом, экономистом и т. п. в изучении «смежных проблем»), исследовательская идентичность формируется здесь достаточно свободно относительно дисциплинарных конвенций (ср.: Kellner D. *Critical Theory, Marxism, and Modernity*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1989. P. 7).
- ³ Майк Физерстоун, рассматривая процесс изменения профессионального самосознания «академиков» в социологическом ключе, связывает это изменение с интенсивным развитием специфического нового слоя «культурных посредников» (специалистов по рекламе и PR, стилистов и дизайнеров, социальных работников и т. п.) сплетающих знания и культурные ценности с рынком и играми власти (Featherstone M. *Consumer Culture and Postmodernism*. London: Sage, 1991. P. 43–47).
- ⁴ Macey D. *The Penguin Dictionary of Critical Theory*. Penguin Books, 2000. P. v–vi.
- ⁵ Ibid. P. 74.

- ⁶ Lemert Ch. *Series Editor's Preface* // Calhoun C. *Critical Social Theory: Culture, History, and the Challenge of Difference*. Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1995. P. ix.
- ⁷ Payne M. *Introduction. Some Versions of Oxford and Critical Theory* // A Dictionary of Cultural and Critical Theory/Ed. by M. Payne. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1998. P. 9.
- ⁸ Cultural Studies: United States // John Hopkins Guide to Literary Theory and Criticism /Ed. by M. Groden and M. Kreiswirth. Baltimore: John Hopkins University Press, 1994. P. 179–182.
- ⁹ Green M. *Cultural Studies* // A Dictionary of Cultural and Critical Theory /Ed. by M. Payne. P. 125–126.
- ¹⁰ Green M. *Cultural Studies*. P. 124.
- ¹¹ Taylor L. *Critical Theory Today: A User-Friendly Guide*. New York & London: Garland Publishing, Inc., 1999. P. 6–7.
- ¹² Fígal G. *Die Entwicklung der Frankfurter Schule* // Hügli, Anton, Lübke, Poul (Hg.). Philosophie im 20. Jahrhundert. Bd. 1. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1992. S. 311–312.
- ¹³ Rasmussen, David M. (ed.) *The Handbook of Critical Theory*. Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1996. P. 11.
- ¹⁴ Или «внутренний» и «внешний» круг «школы», см. об этом: Honneth A. *Kritische Theorie: Vom Zentrum zur Peripherie einer Denktradition* // *Ders. Die Zerrissene Welt des Sozialen: Sozialphilosophische Aufsätze*. 2. Aufl. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1999.
- ¹⁵ В этой связи вполне резонным является вопрос: а была ли вообще «школа»? Альбрехт Веллер, следуя Лео Левенталю, указывает, что данный термин в точном смысле применим лишь к послесоветному периоду деятельности Корххаймера и Адорно во Франкфурте (Weller A. *Endspiele: Die unversöhnliche Moderne*. 2. Aufl. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1999. S. 224).
- ¹⁶ Такой терминологический выбор не является идеальным в силу того, что в англоязычной литературе выражение *critical social theory* используется для обозначения не только современных версий социально-критического мышления, но и как перевод для старой франкфуртской «критической теории общества» (*kritische Gesellschaftstheorie*). Вместе с тем в русскоязычном употреблении разница между «социальной теорией» и «теорией общества» является существенной, поскольку позволяет зафиксировать «декомпозицию идеи общества» (Ален Турян) в современном социальном мышлении.
- ¹⁷ Westarp G. *Kritische Theorie in der Sackgasse* // *Merkur*, 1970. S. 24.
- ¹⁸ Bonß W., Honneth A. *Zur Reaktualisierung der Kritischen Theorie* // *Sozialforschung als Kritik: Zum sozialwissenschaftlichen Potential der Kritischen Theorie*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1982.
- ¹⁹ Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 1. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1991. S. 518.
- ²⁰ McCarthy Th. *Ideals and Illusions: On Reconstruction and Deconstruction in Contemporary Critical Theory*. Cambridge, Mass.: London: MIT Press, 1993. P. 1.
- ²¹ Honneth A. *Kritik der Macht: Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1985. S. 115–118.
- ²² Giddens A. *Preface to the Second Edition* // Giddens A. *A Contemporary Critique of Historical Materialism*. Sec. ed. London: Macmillan Press, 1995. P. x, xviii.
- ²³ Во-первых, отмечает Крэг Калун, постмодернизм обычно включает в себя псевдоисторическое провозглашение эпохального перехода, которое на деле блокирует анализ условий и перспектив изменений, фактически происходящих в современных обществах. Во-вторых, апеллируя преимущественно к дискурсивным формам знания, постмодернисты игнорируют включенность культуры в социальные практики. В-третьих, имплицитно релятивизирует, постмодернистская теория по существу обесмысливает саму идею критики (Calhoun C. *Critical Social Theory: Culture, History, and the Challenge of Difference*. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1995. P. xx–xxi).
- ²⁴ Fraser N. *What's Critical about Critical Theory? // Feminists Read Habermas: Gendering the Subject of Discourse* /Ed. by J. Meehan. New York; London: Routledge, 1995. P. 21.
- ²⁵ См., напр.: Honneth A. *Kritik der Macht*. S. 119; McCarthy Th. *Ideals and Illusions*. P. 43–75. Сопротивление, которое довольно часто вызывает признание Фуко к представителям критической социальной теории, является прямым следствием каши в голове: смешения «учебникового» и «рабочего» понятий (в частности, из-за давления привычных ярлыков и незнакомства с новой литературой). Рациональных оснований для подобного сопротивления нет, поскольку речь ведь идет вовсе не о причислении Фуко к Франкфуртской школе или к хабермасианцам.
- ²⁶ Фурс В. Н. *Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории* // *Логос*. № 2. М., 2002.
- ²⁷ В этой связи весьма показательна дискуссия между Томасом Маккарти и Дэвидом Хоем, продолжающая полемическое противостояние между универсалистской и сингуляристской моделями критики при значительном сближении позиций, что предполагало также и пересмотр каждым участником дискуссии некоторых крайностей своего «мэтра»: Маккарти предложил «прагматизацию» модели коммуникативной рациональности за счет использования концептуальных ресурсов этнометодологии, а Хой – своеобразный симбиоз генеалогии с философской герменевтикой Гадамера (см.: Hoy D., McCarthy Th. *Critical Theory*. Oxford UK, Cambridge USA: Blackwell, 1994).
- ²⁸ См. об этом: Фурс В. Н. *Контуры современной критической теории*. Минск: Изд. ЕГУ, 2002 (особенно С. 20–42).
- ²⁹ Строго говоря, «рабочему» понятию критической теории отвечает далеко не «весь» Хабермас. Хотя разработка «критической социальной науки» была лейтмотивом его теоретических поисков уже в 60-х годах, с учетом указанных выше факторов оформления «рабочего» понятия (преодоление «философии сознания», концептуализация социальной жизни в целом на основе повседневных практик и культурный кризис «современности»), «Хабермас как центральная фигура критической социальной теории» начинается с доклада «Модерн – незавершенный проект» (1980) и воплощен, прежде всего, в двухтомной «Теории коммуникативного действия» (1981) (+ «Предварительные исследования и дополнения...» (1984; включает, главным образом, работы 70-х годов)), «Философском дискурсе модерна» (1985), «Постметафизическом мышлении» (1988) (и лишь отчасти) «Моральном сознании и коммуникативном действии» (1983). Но уже отнесение к критической теории его дискурсивной философии права и дискурсе-этики выглядит проблематичным: Хабермас просто не употребляет данного слога на для определения своей позиции.
- ³⁰ «Фуко как представитель критической социальной теории» начинается с лекции «Порядок дискурса» (1971) и работы «Ницше, генеалогия, история» (1971) и воплощен, прежде всего, в «Надзирать и наказывать» (1975), «Истории сексуальности» (1976–1984) и ряде небольших поздних работ, дающих обобщающую характеристику его исследовательскому пути (в числе последних наиболее важен текст «Что такое Просвещение» (1984)).
- ³¹ В дополнение к уже цитированным работам укажем следующие релевантные книги названных исследователей: Benhabib S. *Critique, Norm, and Utopia: A Study of the Foundation of Critical Theory*. New York: Columbia University Press, 1986; Benhabib S. *Situating the Self: Gender, Community, and Postmodernism in Contemporary Ethics*. Cambridge: Polity Press, 1992; Ferrara A. *Reflective Authenticity: Rethinking the Project of Modernity*. London; New York: Routledge, 1998; Honneth A. *Kampf um Anerkennung: Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994; Honneth A. *Das Andere der Gerechtigkeit: Aufsätze zur praktischen Philosophie*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2000.
- ³² Kelly M. (ed.) *Hermeneutics, Critical Theory in Ethics and Politics*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990; Kelly M. *Introduction; Foucault, Habermas, and the Self-Referentiality of Critique* // Kelly M. (ed.) *Critique and Power: Recasting the*

- Foucault/Habermas Debate. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1994; Owen D. *Nietzsche, Politics, and Modernity: A Critique of Liberal Reason*. London: Sage, 1995; Owen D. *Genealogy as Exemplary Critique* // *Economy and Society*. #24 (4). 1995; Owen D. *Orientation and Enlightenment: An Essay on Critique and Genealogy*; Tully D. *To Think and Act Differently: Foucault's Four Reciprocal Objections to Habermas' Theory* // Ashenden S., Owen D. *Recasting the Dialogue between Genealogy and Critical Theory*. London: Sage, 1999; Hoy D. *Introduction; Power, Repression, Progress: Foucault, Lukes, and the Frankfurt School* // Hoy D. (ed.) *Foucault: A Critical Reader*. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1986.
- ³³ См., прежде всего: Calhoun C. *Critical Social Theory: Culture, History, and the Challenge of Difference*. Oxford, Cambridge, Mass.: Blackwell, 1995.
- ³⁴ Об этой интересной разновидности критической социальной теории см. подробнее: Фурс В. Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социологический журнал. № 1. М., 2001 (особенно С. 62–69). Из многочисленных работ Гидденса, относящихся к теме, выделим следующие: *The Consequences of Modernity* (Cambridge: Polity Press, 1990); *Modernity and Self-Identity* (Cambridge: Polity Press, 1991); *Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics* (Cambridge: Polity Press, 1994).
- ³⁵ Fraser N. *Unruly Practices: Power, Discourse, and Gender in Contemporary Social Theory*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989; Fraser N. *Retinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy* // Habermas and the Public Sphere. Ed. by C. Calhoun. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992; Fraser N. *Justice Interruptus: Critical Reflections on the «Postsocialist» Condition*. London; New York: Routledge, 1997.
- ³⁶ Wellmer A. *Zur Dialektik der Moderne und Postmoderne*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1985; Ders. *Endspiele: Die unversöhnliche Moderne*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1993.
- ³⁷ Kellner D. *Critical Theory, Marxism, and Modernity*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1989;
- ³⁸ Calhoun C. *Critical Social Theory*. P. 35–36.